

Алексей Пурин

НЕЗНАЧАЩИЕ РЕЧИ

Стихи, сочиненные априори

1973~1975

С.-Петербург
2019

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Фото на обложке — Алексей Пурин, сентябрь 1973 г.

Дизайн книги — Валентина Бердника

Пурин А.

П 91 Незначащие речи. Стихи, сочиненные априори. 1973~1975. — СПб.:
ООО «Журнал «Звезда», 2019. — 64 с.

ISBN 978-5-7439-0256-9

Алексей Арнольдович Пурин (1955, Ленинград) — поэт, эссеист, переводчик. С 1989 г. заведует отделом поэзии, а с 2002 г. также и отделом критики петербургского журнала «Звезда». В 1995–2009 гг. соредатор литературного альманаха «Urbi» (Нижний Новгород — Прага — С.-Петербург; вышли в свет шестьдесят два выпуска). Автор двух десятков стихотворных сборников (включая переиздания) и трех книг эссеистики. Переводит голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) и немецких поэтов, вышли в свет шесть книг переводов. Лауреат премий «Северная Пальмира» (1996, 2002), «Честь и свобода» (1999), журналов «Новый мир» (2014) и «Нева» (2014). Участник 32-го ежегодного Международного поэтического фестиваля в Роттердаме (2001) и др. форумов. Произведения печатались в переводах на английский, голландский, итальянский, литовский, немецкий, польский, румынский, украинский, французский и чешский, в т. ч. в представительных антологиях.

В книге впервые публикуются ранние стихотворения автора.

ББК 84.Р7

© Алексей Пурин, 2019

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Журнал «Звезда». 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.
Отдел реализации: (812) 273-37-24; mail@zvezdaspb.ru

Подписано к печати 15.12.2018. Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная.
Уч. изд. л. 2,15. Усл. печ. л. 2,59. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в «Издательско-полиграфическом комплексе „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, В. О. Средний пр., 86; 8(812)207-5843

Оле, с любовью

...По ропоту простых, незначащих речей...

Фет

* * *

Заклинаю вазой битой —
не губи души моей:
этот драный куст ракиты
в свете сумерек светлей.

В свете сумерек и мерок
шелестящего листа
обрела земной оттенок
неземная красота.

Не криви мои пути ты!
В пляске Бора — нечет-чет —
и меня и куст ракиты
растворит и разметет, —

как по вазе в хрупком глянце,
в диком танце, в вечном танце
греков черные тела
зыбь столетий размела.

* * *

Закрывая книгу жизни,
уходя в небытие,
влагу смерти, влагу тризны,
влагу Вакха август пьет.

Небо — в ужасе лиловом:
Вечный Рим объят огнем.
Жили, умерли — и снова
губ лукавых не вернем.

Не спасут орлы и строки,
даже галочки птенцы...
Обернемся на пороге —
помахать, а там — Коцит:

неизбежное мученье
отлученья от тщеты,
обрученье, обученье
созерцанью пустоты.

* * *

Юности промелькнувшей
так тяжела шлея.
Здравствуй, мой хлеб насущный,
горечь и боль моя!

В немочи листопада,
на золотом огне
птицею Феникс надо
преобразиться мне.

Вот я стою у входа —
на сквозняке, ничей...
Здравствуй, моя свобода,
бег ледяных ночей!

Здравствуй, гранитный, трудный
город в кольце воды —
сказочной, изумрудной, —
набережные, сады!

* * *

Горек известковый ласточкиных гнезд
запах — тот, что снова вспомнить довелось.
Сладок свет вечерний и вода в ручье,
нищее кочевье по ночной земле.
В полумраке запад, в полумгле восток...
И пьянящий запах непросохших строк.

* * *

Что слезы? — соль, вода и дым,
тяжелый дым зимы.
Что смерть? — цезарианский Рим,
латинские холмы.

* * *

Багровая стынет порфира,
но царского вместо венца
мерцает на знахарке мира
стрекочущий обруч Кольца.
Из плоти ступенчато рвется
слепой фанатический взгляд,
и сердце Кощеево бьется
в тиши саблезубых палат.

* * *

Пчелиная смола воспоминаний.
Кто это так жестоко шутит с нами?..
Вот город мой, лежащий на реке,
с ночными огоньками вдалеке...
Но день придет (о, до чего нелеп!),
когда скажу: «Прощай, гранитный хлеб!
Прощайте, книги! Ненаглядный рай,
мой рай на низких берегах, прощай!

С тобой могу ли быть разлуке рад,
прощай, бездонный Царскосельский сад!» —
Всё, что любил, чем жил, чему нигде
подобья нет в грядущей черноте.

* * *

Кустарник только —
и пустота
пуста настолько,
что не пуста.

Дорога садом
и благодать...
Меня не надо
оберегать.

Я, обольщенный,
уже приник
к струе, вмещенной
навек в родник.

К струе оттуда,
куда иду,
не видя чуда
в пустом саду.

* * *

Горький опыт накоплен, что воск оплывающих свеч.
Мне хотелось бы им, как дождем ледяным пренебречь.
Только ночь, словно жизнь, коротка, да и день не длинней, —
не очнемся на светлых квадратах канальных камней.
Ничего не запомним, во сне не увидим с тоской:
стылый дом над каналом, и мост, и Никола Морской...

* * *

Полуночный, фанерный,
дребезжащий во тьме,
с тусклой фарой неверной
снизошедший ко мне.

Никого. И уютно
в ледяной пустоте.
Только дождик попутный
на бездомной версте.

И от грохота с краю —
всё кусты да кусты,
пустыри да сараи,
тополя да кресты.

Выше, выше и выше —
над ручьем, над лучом
фонаря... И притихши —
ни о ком, ни о чем.

* * *

Еще ведь потрогать могу
мясистый игольчатый кактус,
и тает пока еще снег
в горячей и мокрой руке.

* * *

Овечьих стад земная теплота.
А эта жизнь по-прежнему пуста.
И всё же нет прекрасней и светлей
земных дорог и выжженных полей.

Крест мельницы, колодезная жердь
да линзой перевернутая твердь.
Куда идти, куда бежать, куда? —
вода да глина, глина да вода.

* * *

Я проснулся от летнего гама
детворы. И оконная рама
еще плавает в синем огне.
Но в ушах уже гул поднебесный,
а не этот — дворовый, воскресный,
легковесно-подводный. И мне

из всего, что имелось, осталась
только самая малая малость:
чтобы душу, как краски комок,
на картине его узловатой,
с розовато-зеленой заплатой,
сумасшедший припрятал Ван Гог.

* * *

Под лиловым небом, одиноко,
я стою. Настурция у ног.

Дождь шумел. И купы лип в дыму
плесенью откликнулись в дому.

А в саду — краса и благодать:
вечность под рукой — ни дать ни взять.

Туч не станет. Выглянет звезда.
Позовет неведомо куда.

* * *

Красные звезды — на синем
стылом небесном огне.
С лучшей из женщин — Россией —
не разминуться и мне.

Знаю, без просыпа спишь ты
в леднике медленных зим,
в сонном забвении пишешь
летопись темных годин.

Стаей вороньей хранима,
у колдуна под ярмом,
вновь низвергаешь, но мимо,
свой ослепительный гром.

И, поражая убранством,
мертвое пьешь ты питье,
несоразмерным пространством
радуя сердце мое.

* * *

Поросло тишиной да еще кое-где паутиной,
а глухая вода под осенним слепым серебром
пахнет гнилью грибной, сквозняком и сырой древесиной, —
и на даче вопрос отопленья поставлен ребром.

На веранде — прохлада и тень перепончатых стекол,
в тишине над столом — сероватый сиреневый ком...
В смене светотеней я, как водится, лето прохлопал,
деревянным пропахшее старым клубничным лотком.

Только изредка в окна врывается рыночный гомон,
только слабое небо воды известковой пресней...
Этот август пустой, как игрушка, нечаянно сломан
и поставлен за шкаф, в безымянное царство теней.

ЖОАШЕН ДЮ БЕЛЛЕ. 1556

Замшелый Рим! — ты пасынок судьбы.
С тобою мы состаримся до срока.
А всё поет на старые лады
позеленелый желоб водотока.

Возлюбленная Франция, далёко
твоя земля, — да и мои мольбы
затянет дым охотничьей пальбы,
закрученный раструбами барокко...

Ронсар — в Париже! Ах, Ронсар, Ронсар!..
Гуляй и пей, пиши стихи Елене.
Поверь мне, жизнь — недолговечный дар:

всё станет тленом; я уж в этом плене
пред вечностью склонил свои колени...
И только Тибр струит дремотный пар.

ВОЛЬТЕР

Вольтер (не стар, скорее — сух, и сед,
и хитроват) в одноименном кресле
сидит, похожий на старушку, если
еще бы — спицы да шотландский плед...

А за окном — листвы кордебалет,
нагой Геракл покоит длань на чресле.
Глядит Вольтер устало в окна: весь ли
сад пожелтел, зеленый есть ли след?

Прохладно на дворе — сентябрь уже.
Наполнены фонтаны влажным златом.
Раскрыта книга бархатным прелатом.

Расшит камзол на розовом паже.
И врезанный, как зеркало, в проем,
блестит шестиугольный водоем.

НА ФИГУРКУ ЭРОТА

Я — безобидный маленький Эрот.
Моя ладонь сдружилась с луком рьяным,
а на бедре — колчан, шнурком багряным
перетянувший ребра и живот.

Всегда улыбчив мой лукавый рот —
не сострадать же жгучим вашим ранам!
Играю я в тени дубравы с Паном,
тела дриад сплетая в хоровод.

Ребенок я. Мальчишеская плоть
еще не в состоянье уколоть,
ужалить сердце юноши иль девы.

Должно быть, потому так ясен глаз
и меток лук, когда я целюсь в вас,
чтоб слушать вечной страсти перепевы.

ФЕДРА

Жил Расин и «Федру» написал...
Там, за рампой, чьи-то голоса —
мудрое торжественное что-то
в зал кричат наперебой они...
Нам с тобою вовсе нет заботы,
что кричат наперебой они, —
это только сладость старины
светлой многоярусной страны.

ДЕРЖАВИН

Слог твой тяжел и державен —
старый каленый булат.
Здравствуй, Гаврила Державин,
баловень русских пенат!

Льстец императорской славы,
розовощекий старик,
спрятал ты ум свой лукавый
под серебристый парик.

Друг Купидона и Марса,
с сердцем в огне и золе,
вроде французского фарса
прожил ты жизнь на земле:

слава, стихи... а в итоге —
только мигрень в голове...
В вычурном барском чертоге
спит восемнадцатый век.

* * *

Снова в Царском облетает
на Фелицины луга
ледяная, золотая
шоколадная фольга, —

опадает на ступени
галереи и дворца,
на курчавое кипенье
чернолицего юнца,

на продрогшую Перетту,
на турецкий минарет...
А поэзия примет —
лишь резьба по трафарету!

В этом городе я вырос, —
и заржавила перо
восхитительная сырость
царскосельских вечеров,

где, доныне не стихая,
ходит желтая волна,
говорящая стихами, —
где Евтерпе не до сна.

* * *

Прошла пора заботы
о племени лихом —
пришла пора работы
над кованным стихом.

Он — холоден и зорок,
им перечтен подряд,
от корок и до корок,
бульварный листопад.

Ему осточертели
свирели без конца...
Но Дафнис у постели
стирает пот с лица.

И, кроме смуглой Хлои,
всё — суета сует,
покуда эти двое
не потушили свет.

* * *

Мне не надо сейчас ни воды, ни вина,
ни молимого тела,
ибо вечность со мною в квадрате окна
и печаль без предела.

Ибо книжная пыль полыхает в углу
фосфорическим светом,
стеариновый отсвет дрожит на полу
и ползет по паркету.

Я сырой черновик положил под сукно
(нет укромнее схрона).
И скупые слова проросли, как зерно...
(— Чей там посох расцвел? — Аарона.)

* * *

Юности нелепой хлябь и глина,
шелестень царскосельских крон,
рыжие лисицы Пу Сунлина,
обступавшие со всех сторон, —
всё сгорело, дыма не оставив, —
жизнь вот так одела полдень наш:
ремесло, что безупречней стали,
зоркий глаз да точный карандаш.

* * *

О, Грузия — роза в вине
расколотой амфоры Мцхеты,
отдушина русских поэтов,
держава воды и камней!

Прожить бы полжизни с тобой,
вкусить бы заветного хлеба,
глядеть бы в угрюмое небо
с бараньим дымком над трубой.

* * *

Мне мерещится первый
переделкинский снег.
Под скворечней фанерной
на снегу человек.

Полон думой такую,
что не сладко ему:
простота под рукою,
а слова ни к чему.

Всех на свете несчастней,
он сутуло-высок,
заключенный в нечастый
черно-белый лесок.

Лишь едва запоздалой
оживлен желтизной
вдалеке, у вокзала,
перелесок сквозной.

Да поселок, как свечкой,
освещен изнутри —
и так много за речкой
похоронной земли.

* * *

Начинается щелканье дней
(так листают знакомую книгу,
иногда вспоминая о ней).
Это вечность приводится к мигу.
Начинается пляска теней.

Это пляшет ледащий народ
по окружности греческой вазы:
оборот и еще оборот —
вот и виден слепой хоровод
и невооруженному глазу.

Пляшет атом, мигая в пустой
перебой мотылькового света.
Пляшет мальчик, а песенка спета.
Пляшут звезды в дыму... ах, постой —
о, лиши меня зоркости этой!

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

Я понял роль свою. Вода
стоит, не ведая стыда,
у самых глаз, и листья клена
безмолвны и мертвы... Вон там,
с полуиспугом пополам,
чернеет город убеленный.

И я едва ли виноват,
что этот дом и этот сад
во мрак продавлены куда-то,
что нынче не видать ни зги,
что мы с тобой уже враги,
что нет прошедшему возврата.

И вряд ли в том моя вина,
что натюрморт Головина
переживет нас в этом мире,
что так трудна дорога в рай...
Но ты не плачь, но ты играй,
играй на заржавелой лире!

ЖИВОПИСЬ

Научитесь живопись ценить —
потому хотя бы, что ничем
никогда уже не заменить
ею остановленных вещей...

Обернулся хрупкою тюрьмой
для фарфора, света и вина
выпуклый, прозрачный натюрморт
живописца А. Головина.

Автора картины пережив,
замерли, надменны и желты,
друг на друга руки положив,
навсегда расцветшие цветы.

Их никто не помнит на земле,
родственные связи порвались.
Собрались в келейной полумгле
стайкою дряхлеющих актрис...

А тогда стояли на столе
в сумраке граненого стекла, —
пусть и не в родительской земле —
хоть в воде, которая текла.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ВАРИАЦИИ

1

Дача, свечка на столе;
черновик, почти невнятен —
весь в сети штрихов и пятен,
проступает в полумгле.

Своенравны и вольны,
не давая мне покоя,
замирают под рукою
две лукавые волны.

Миру целому взамен
эти голые колени,
и в минуты сладкой лени
резвых бедер жаркий плен...

Встану рано поутру,
принесу воды морозной,
с горькотою папиросной
погуляю на ветру.

Черновик перебелив
и расставив запятые,
перечту стихи литые
Жоашена дю Белле.

2

Дача, свечка, полумрак.
Пригородный полустанок.
Трехлитровых полых банок
Прозерпинин кавардак.

Зимний вечер — черновик
неухоженной метели.
Печка. Стекла запотели.
Пламень — тусклый, как пятак...

Встану рано поутру,
обожгусь водой морозной,
до платформы с папироской
прогуляюсь на ветру.

Электрички дробь и свист.
И вагонный шум газетный.
И окна напор предметный —
что гравюры плотный лист.

* * *

Ты вызубрил несколько речек,
полсотни забытых имен
и правила письменной речи
почти допотопных времен.

А воздух, сырой и мажорный,
пронизан иглой крепостной...
Как выжить нам этой просторной
и нерукотворной весной?

Как выжить нам, правды не выдав?
Как выжить у всех на виду —
у гордой картины Давида,
у статуи в Летнем саду?..

Как выжить? О, только не мучай
души разворованный рай —
сыграй на машинке скрипучей
себя, без утайки сыграй!

* * *

Ты помнишь прогулки по парку
у старых запруженных вод?
Ты помнишь глухой и неяркий
июль удивительный тот?

Ты помнишь — тем летом прекрасным
нам было четырнадцать лет,
и в небе, еще неопасном,
турецкий горел минарет?

Ты помнишь, как мы среди сада
сидим на чугунной скамье —
немного Борисов-Мусатов,
немного Анри де Ренье?

* * *

Не надо говорить
о надоевшей лире,
о нежеланье жить
в миру и на квартире.

Обиды и грехи
копить не надо рьяно,
а только грань стакана,
сирень и лопухи.

Поэзия глуха:
она не для прощенья —
для перевоплощенья
в живую ткань стиха.

А слава — ерунда,
когда в обмен за душу,
когда тебя задушит
Коцитова вода.

* * *

Жизни, влажной и лукавой,
расторгая смутный плен,
мы идем слепые травы
мять Плутоновых долин:

в вечно-сумрачном июне
на ступнях — сухая пыль
тлена. Здравствуй, Прозерпина —
пенье жалобных ключиц!

Нет таинственнее блага —
стебель чувствовать в груди,
птиц загробное мерцанье
слушать, тусклых асфоделей
запах призрачный вдыхать —
и смотреть, как Ахеронт
воды катит, не стирая
благодарствующих слез.

ПСИХЕЯ

Душа не устала вертеться.
Она, ни на миг не стихая,
как бабочка, ходит по сердцу —
и сердце морочит стихами.

В ее мельтешенье всегдашнем
слепое бесстрашье таится:
она — как запертая в башне,
но вольнолюбивая птица.

Окутанной, словно бы шелком,
своей холодящею славой,
ничто ей за гамом и щелком
томление плоти не слабой.

Ничто ей волшебная нега —
красивая девушка в шубе
среди новогоднего снега,
и солнце, и холод, и Шуберт.

ПЕРСЕФОНА

Немую трубку с телефона
я снял — и вот
сквозь плеск и щебет Персефона
ко мне плывет:
синоним музыки, Прозерпина,
стрекоз акрил, —
как из сифона, из графина
ажурный пыл.

За окнами мажорный воздух —
ей в унисон —
листают тополиный гроссбух,
впадая в сон.
От рифм смертельная на лица
ложится тень...
Ночной, подземная Фелица,
венец надень!

* * *

А. С. Кушнеру

Хорошо в Ленинграде
в ледяном октябре —
деревя при параде
и уже в серебре.

Дремлют в камне усталом
и мосты, и дома;
и листва над каналом —
словно слава сама.

Эта слава чужая
не устанет сиять,
дабы слово, мужая,
повторилось опять.

В белом воздухе колком
еле тлеющий флаг
с золоченой иголки
не сорвется никак.

И в летеиски увялом
стылом Летнем саду
ваза холод овала
вознесла на виду.

* * *

Я становлюсь взрослее, —
и, как бы с двух сторон,
мир, словно холст Сислея,
двойко освещен.

В нем всё немного дико:
на круглом бугорке —
как будто и не липы,
а кактусы в горшке.

Сей кавардак растений —
волшебный, заводной, —
с налетом светотени
реальности иной.

Всё кажется: ну что же —
уже раскрыт секрет,
и мною мир до кожи,
как женщина, раздет.

Но вдруг совсем иначе,
и под другим углом,
возьмет и обозначит —
не мелом, не углем...

О, как желта дорога!
О, как вода чиста!..
О, постоим немного
у этого холста!

* * *

О, давай под сенью сада
хоть немного посидим —
на легчайшую ограду,
замирая, поглядим.

Говорил давно когда-то
нежный Батюшков о ней:
чугуна сего и злата
нет прекрасней и ясней.

И видна в конце аллеи,
как сквозь воду или дым,
наклоненная Психея
над Амуром молодым,

где горчайшая гречиха
обступила водоем...
Хорошо: тепло и тихо,
август в городе моем.

КНИГИ

Телефон, бледнозеленый
и немного запыленный,
две недели не звонит —
это происки жестоких,
молчаливых, темнооких,
непреклонных Эвменид.

Одиноко в Ленинграде:
все деревья при параде,
в хрустале и серебре,
над волной захолоделой
стынут в изморози белой
в этом голом октябре.

В тишине мужает слово —
еле зримая основа
граней воздуха сего.
Ветерок играет флагом
или ходит по бумагам
возле локтя моего.

И в Саду, уже увялом,
холод голого овала
ваза гордо вознесла.
То, что было, то минуло —
прибалтийским ветром сдуло,
речка в море унесла.

Кто ж не даст сойти с ума мне —
на холодном финском камне
в одиночестве моем?
Ты ли? В комнате убогой
не один я, — слава богу,
мы, Поэзия, вдвоем.

Дремлет Батюшков на полке,
и одетая с иголки
в ледерин Ростопчина
между Мятлевым и Фетом,
словно фантик от конфеты
«Буратино», зелена.

Стынет Анненский печально,
и лежит горизонтально
князя Вяземского том,
где сквозь цикл венецианский
ясно виден океанский
запредельный небосклон.

В тайном призрачном порядке,
точно овощи на грядке,
в тишине полуживой —
Тютчев, Дмитриев, Жуковский,
Карамзин, Третьяковский,
Баратынский, Шаховской,

Пушкин, Фет, Бальмонт, Катенин,
Сумароков, Блок, Есенин
и Владимир Соловьев,
Мережковский, Слуцкий, Минский,
Луговской, Толстой, Сельвинский,
Заболоцкий, Соколов,

Ходасевич и Тарковский,
Пастернак и Маяковский,
Мандельштам и Шевырев...
Неужели вы ужились —
или даже подружились,
недоверье поборов?

Ночь и день, волна и камень,
свет и сумрак, лед и пламень!
Просто — пестрая стена...
Слова неоткуда вынуть,
даже пальцами не двинуть...
Сила времени страшна!

* * *

За стеной — гулянка скоморохов,
отсвет зимних окон — на стене...
Здравствуй, здравствуй, друг мой Сумароков!
Твой глухой язык понятен мне.

Я уже почти не замечаю
эти еры, яти и фиты, —
я уже почти не различаю
ни слова, ни буквы, ни листы.

Надо мною — сумрак и томленье,
речи человеческая нить —
та, что может через поколенья
золотым узлом соединить.

* * *

Грустно. Электричество погасло.
На дворе — суровая зима.
Запах свечки, вечности... Прекрасно!
Книга раскрывается сама.

На странице — пляшущие блики.
Наконец заглох магнитофон
у соседей. Сумрачно и тихо.
И бессмертье — с четырех сторон.

Ни фиты, ни ижицы не вижу,
Сумароков, — только эту речь,
что горчей всего на свете, ближе, —
лишь одна и может уберечь!

Отшумев, уходят поколенья.
В прялке Парок вечно вьется нить...
Хорошо, что нашему томленью
суждено нас пережить!

* * *

Нас обманула эта земля —
как предыдущих, как предстоящих...
Там, за стеклом, стучат тополя
в мокрой скворечни струганный ящик.

Полно стучаться — кто вас спасет?
Дождь — и бессмысленны жалобы эти:
всё перемоет, всё унесет, —
плакать не надо, мы же не дети...

Мы же не дети... В странном бреду:
лестница, пальцы за вырезом шарят...
Юности, стынувшей на холоду,
тает во рту витаминный шарик.

Или весь мир — только плоть под рукой
(самые недра Природы потрогай —
долго прикидывалась недотрогой)?..
Так и ударит в сердце тоской!

Ну, вспоминай, как мы в детстве прочли,
еле скрывая зависть и жажду...
Нас обманули. О, как ворчлив
ветер, в дому заплутавший однажды...

Неба не видно, желт потолок.
Запах духов, табака и постели.
Муха ползет... и слеза между строк...
Нас обманули. Мы повзрослели.

Мы возмужали. О, как темно!
Только и видно — флаги да флаги.
Так всё лилово, багрово, черно —
не написать на бумаге...

ДВА ГОЛОСА

— Ты сыграй нам на рояле
про вино «напареули»,
про поселок Цинандали
и *ваще* про черта в стуле.

— Я сыграю на рояле,
на валторне, на кларнете,
на органе, на баяне
и *ваще* на чем хотите.

БЛОКУ

Все хотят в стихе свободу,
что-то смутно на Руси.
Дай нам руку в непогоду —
от верлибра нас спаси!

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Когда так скверно на душе
от современных сочинений,
оборотитесь к царству теней
на запыленном стеллаже —
и в сем Аиде забытом
найдите Батюшкова том!

* * *

Я не читаю книг —
беру, держу в руках...
Какая стужа в них,
особенно — в стихах!

Там, если счастье — мед,
а если горе — яд:
там, если холод — лед,
а если пламень — взгляд.

А жизнь моя темна
и непонятна мне,
как ранняя весна
в родимой стороне.

* * *

Я ни слова правды не скажу,
даже если очень захочу, —
на скамейку сяду, посижу,
пальцем по скамейке постучу...

Вечер. Папиросу закурю,
посмотрю на садик неживой:
пожелтело, дело к сентябрю.
Шорох пустоты — над головой.

* * *

Не только книги и перо
теперь храню в душе —
уборку комнаты, ведро
и родинку на шее,

овраг, и хвойный лес, и плес,
за электричкой — море,
прохладу платья и волос,
голубизну во взоре,

переплетение в ночи
двух тел нагих, свечу,
во тьме струящую лучи
по смуглому плечу.

* * *

Так прекрасна и банальна
наша жизнь земная,
что почти материальна —
как бы слюдяная:

темный бар аэропорта,
воздух сигаретный,
о поэзии Вордсворта
разговор дискретный,

красный сумрак «телиани»,
милый друга локоть
(теплоту потертой ткани
хочется потрогать)...

А потом — автобус холодный
и поля под снегом...
Одиноко и отрадно
под огромным небом.

* * *

...И, как бывает в юности сквозной
или в сентябрьской роще ранним утром,
превозмогая слов нездешний холод,
моя душа училась жить во мне.
Ей было трудно в новом доме: дверь
скрипела, вьюга задувала в окна,
и было много разных закоулков,
чуланчиков, чуланов, тупиков...
Но хорошо ей было на земле.
А клейкая листва дарила воздух
восторженною свежестью и силой.
И город спал — граненый, как стекло.

И в полутьме прозрачной, но ночной,
мне вспоминался теплый локоть друга,
на столике холодная бутылка —
наполовину с влагой золотой...

ПАМЯТИ ХОДАСЕВИЧА

Над нами неба гнущее стекло,
и облако так лебедеподобно,
что кажется: еще немного влаги —
и нас уьёт оптический обман...

Ну, здравствуй, изумительнейший город —
Петрополь девятнадцатого года!
Как парусник, покинутый командой,
ты одинок в клокочущей стране.

Привет тебе, гранит, поросший мохом,
мажорный строй классического камня,
созвучный отраженью вод летейских,
колеблемых в пологих берегах!

Привет тебе, эпоха чудаков,
художников, поэтов, пушкинистов,
поэтов-пушкинистов! Как слышна мне
твоя тусклосеребряная речь!..

Всё разошлось, как сон. Всё поросло
травой забвенья, желтой и колючей.
О, да! — напрасно пестовал Державин
разноголосый хор — не петь щеглам.

Огромный ветер, как сухие листья,
их разметет по городам нерусским,
и смертной тоской проколют сердце
ущербные готические иглы...

Не петь щеглам в обители теней,
в закамышелом царстве Персефоны,
не петь щеглам в раззолоченной клетке
большеоконных петербургских комнат.

Не петь щеглам... Но почему же в сотый
раз я всё повторяю неотвязно:
«Была жара. Леса горели. Нудно
тянулось время...»?

ХОДАСЕВИЧ

Быстрый снег в квадрате фонаря,
шляпа с твердыми полями и пенсне...
Затеряться бы в прорехах февраля —
в полумраке, в полусмерти-полусне,
в полудраме-полудреме мировой, —
о, не думать ни о чем и не писать —
кануть в мертвые сугробы с головой,
точно почерк — в типографскую печать, —
и не помнить ни Капниста, ни Парни,
ни Державина... И лишь бы колкий ветр
разметал полуослепшие огни,
загибал заиндевший черный фетр!

* * *

Я понял суть плодоношения,
деления клеток,
гниения ткани и отрешения
листвы от веток,
течение жизни, ее бесцельность,
сентиментальность,
ее цикличность, живую цельность
и вкус миндальный,
горячий воздух, любовный танец
стрекоз и мошек,
траву и звезды, холодный глянец
небесной мощи,
сиянье плоти, необходимость
тепла живого,
мерцанье звука, неповторимость
и точность слова,
обрыв отвесный, воды овражной
студеный пламень
и мрак вечерний, в себя вобравший
волну и камень.

* * *

О, жажда цельности, типичности,
незамутненности —
в моей ненужности, в моей тепличности,
в моей влюбленности!
В душе измученной и растревоженной —
о, как сильна же ты! —
как будто взвешено и подытожено
всё то, что нажито...

Мы — зерна времени в распяты космоса,
в тоске пространственной, —
как бы разъяты мы хрустальной плоскостью
земного странствия.
Взгляни ж на путника, в тебя влюбленного,
хоть бы с участием —
из сада райского, темно-зеленого,
плодоносящего.

* * *

Армия прочесывает город
в целях истребления младенцев,
и главнокомандующий Ирод
приказал закрыть аэропорт.

Генерал сидит у телефона,
отмечает на подробной карте
секторы, где выкорыши власти
завершили акцию «Машах».

С улицы доносятся сирены,
душераздирающие крики —
это полицейские машины
наводнили Иерусалим...

Страшен фараоновский Египет,
тайный переход через границу,
но страшней решетка автоматов,
перекличка патрулей.

* * *

Вот и лето вернулось. О, дай мне стакан
молодой родниковой воды, —
чтоб, забыв о цветенье, внимали стихам
опьяненные зноем сады,

чтобы пчелы гудели и щелкал щегол,
словно секундомер бытия,
чтобы в животрепещущий русский глагол
уместилась вся прелесть твоя!

* * *

Мандельштам когда-то говорил:
сломанные ласточки бровей...
Я истратил множество чернил
в описание прелести твоей.

Что поделать! — дар не тот, не та
степень отчужденья волшебства,
чтобы на поверхности листа
шелестела клейкая листва...

За окном ночная чехарда —
обнаженье женщин и миров,
созревание плода и звезда
за слюдой багровых облаков...

В этом мире нету ничего,
кроме (а точнее — не нужно мне)
смуглого мерцанья твоего,
шелестенья зелени в окне.

ЭЛЕГИЯ

Мне надоело стихоплетство —
мое презренное сиротство
в семье животных и людей.
И я теперь не рифмы ради
построил строчки при параде,
и ясен, как ответ в шараде,
свет оловянных площадей.

И дело не в переселенье
грачей в армянские селенья —
туда, где ценит население
гортанный басенный язык,
да и не в осени сусальной,
ее тоске сентиментальной, —
я к ней достаточно привык.

А дело в девушке желанной,
как эта роща первозданной,
в ее глазах, перевитых
слепыми змеями гордыни,
в манящей плоти цвета дыни
и кудрях тускло золотых.

Я понял суть плодоношенья.
И это важное решение
в меня вселило утешенье
в моей томительной судьбе.
Но лъзя ли выдумать глупее —
унылым яббом и хореем
писать послания тебе?

Прости мне это, бога ради!
В великолепном Ленинграде
стоит безумная весна.
И лебедь сахарный не тает —
в лиловый сумрак уплывает,
в объятья сладостного сна...

Мне надоело сочиненье
стихов — скучнейшее явление.
«Я помню чудное мгновенье», —
мне так и хочется сказать.
Но дело вовсе не в минуте,
а в неостановимой смуте,
которой мне не передать.

И дело не в литературе,
а в той роденовской скульптуре,
где дремлет мраморный Поэт,
и музы заспанное тело
столь ощутимо, — до предела,
что в этом истины и нет.

Ну да, мы истин не докажем.
Мы лишь натянуто покажем
их приблизительную суть.
Хотим найти мы площадь круга —
длина окружности упруга,
да вот никак не разогнуть!

ТРАМВАЙ

Мы в подводной лодке жестяной.
Лишь вода и воздух — за стеной.

Не сырое дерево, не гром —
только холод с темным серебром.

Да еще — дремуча и темна —
невская сутулая волна,

словно это вовсе не вода,
а слепая толстая слюда.

К вечеру — библейская тоска! —
на асфальте — ребрышки песка.

И пора уж выпустить давно
голубя в раскрытое окно.

СТРЕЛЕЦ

Мне опротивела насквозь
бумаги глянцева роскошь —
за белокаменной Москвой
белоберезовая роща:

ледок нетронуто хрустит,
таинственно мороз белеет,
и меловая галерея
вдали, как облако, летит.

А наверху, листву и птах
перемешав и перепутав,
заводит ветер в деревьях
свою невиданную смуту.

И вот — от Клина до Ельца,
от Тулы до Калуги —
держава княжьего стрельца —
заиндевелою вьюги.

КОКТЕБЕЛЬ

1

Жестка и небогата колыбель
тяжелого степного винограда,
но большего тебе, — о, Коктебель! —
на этом свете ничего не надо.

На западе чернеет Карадаг,
во тьме расправив каменные своды,
и, как крупница сахара, звезда
погружена в темнеющие воды.

А на востоке рыжие холмы
верблюжьи спины выгнули уныло...
Волошина высокая могила
уже неразличима среди тьмы.

2

Над заливом — трезубец горы,
серебро — полумесяц двурогий.
И Кучук-Енишар до поры —
перевал глинобитной дороги.

Выходи же на самый хребет —
костяной, каменистый, верблюжий —
и дешевою скифскою стужей
будешь до смерти сыт и согрет.

Будешь до смерти сыт ледяной
синевой полусонной долины.
Никого. Только холод орлиный
да тревога царят за спиной.

3

Тебе дары — морские камни
да тень колючего куста.
Волошин, до чего близка мне
твоя святая нищета!

4

Когда ни губ, ни писем нет
на лучшей из планет,
и только в берег бьет волна,
желта и солона,

когда так холодна постель
на лучшей из земель,
и только сквозь поющий мрак
чернеет Карадаг,

скажи словечко хоть в ответ,
мой негасимый свет,
мне, позабытому в ночи
без кремня и свечи!

5

Пыльная, степная, как чабрец,
пятым веком пахнущая кожа.
Руки в рыжем пламени колец
стали тяжелее и моложе.

Круглые и гладкие, как медь,
голые неласковые плечи...
Господи, как сладко их согреть
холодом и зноем русской речи!

6

В черном ящике огромной ночи —
слезы, крупные как виноград.
Звезды в небе — что большие свечи.
И цикады свиристыят.

Небо над темниной Карадага —
Божий взор.
Чаша моря — мировая брага,
смоляной простор.

И Судак крыла седых развалин
поднял вдалеке.
Море, как Державин,
говорит на древнем языке.

7

Холмистый полуостров сед
известняком цивилизаций.
Нет, хоть и может показаться,
не изменился белый свет.

Он всё такой же как вчера:
Эвксинский Понт буруны катит,
подняв, как треугольник, катет,
выходит к берегу гора.

И мы с тобою как всегда,
разъединили наши руки,
дабы одические звуки
рождала вечная вода.

НОВЫЙ СВЕТ

Полукругом зеленым
золотой Парадиз
по реликтовым склонам
опускается вниз.
Как арбуз наизнанку,
холодна и сыра,
целый день спозаранку
зеленеет гора.
Можжевельник, багульник
переполнил края —
от скалы Караульной
до скалы Куш-Кая.
Тонет в зелени дикой
белобашенный дом,
словно бы сердоликом
окаймленный кругом.
Вдалеке от столицы
здесь кутил и седел
Лев Сергеич Голицын,
записной винодел.
Но в столетии нашем
хлебосольство не в честь:
с белокаменных башен
было гостей не счесть.
Вот и вышел в убыток,
да немалый притом,
сумасшедший напиток
с золотым пузырьком.

Умер князь-неудачник,
золотая лиса.
На рабочие дачи
порубили леса.
Появились на свете
«старка» и «зверобой», —
чтоб лететь на ракете
до планеты любой, —
дальнобойные пушки,
телеграф, телефон.
И уныло в ракушку
дует голый Тритон.

* * *

Ничего не напишешь на желтой листве,
кроме воспоминаний забытого детства.
А листва — в синеве, на земле, на траве,
на воде, — и от памяти некуда деться.

* * *

...Полгода минуло. Я не привык к таким
отрезкам времени — обычно дни, секунды,
кузнечик часового механизма,
игрушечные ходики Шагала...
Была весна. И воробьи, как ветер,
пронизывали хрупкую решетку
пустующего сада. Было лето —
соболий звездный ворох крымской ночи...

Прошло полгода. Говор бытия
во мне сменил ненужное витийство.
И если есть искусство, это — просто
тоскующее яблоко Земли.
И если есть искусство, это — ты,
нагая, как Церера, в пене страха,
держащая в ладони круглый плод
изнеможенья и непониманья.
И если есть искусство, это — я,
такой — каков я есть. И если, правда,
на свете есть искусство, это — просто
стакан воды, стоящий на столе.

* * *

Мне подарили жизнь, как дарят хлеб
бродяге... или нет — как сигарету
на улице. И целых двадцать лет
я налегке бродил по белу свету.

.....
.....
.....
.....

Я прожил двадцать лет среди густой
простой шарообразности Природы:
плоды, планеты, женщины и своды
переполняли хрупкий разум мой.

* * *

Выхожу на улицу из гостей —
в театральную чехарду:
градом плещется из горстей
тополь, пляшущий на ходу.

В двух шагах — холодеющий телефон.
Выпитое вино пьянит.
Надо мною — звездная канифоль —
пыль планид.

Надо мною — небо и Ничего —
обезбоженные небеса,
опрокинутые головой
в замерзающие глаза.

СЧИТАЛКА

Раз. Два. Три. Четыре. Пять...
Начинается распад.
Начинается опять
пляска ядер невпопад.
Надвигается закат.
Распадаются миры.
Расщепляется вода.
И, по правилам игры,
разгорается звезда.
.....

ОСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

О, как мне одиноко
на розовой земле,
где пахнет хлебом и водой,
и щами на столе.

Где слышен птичий перелет
в иные времена,
и жизнь, как вольный перевод
с вселенского, темна.

* * *

Звезды снежные кружат
меж кирпичных труб.
Сорок восемь лет назад
умер Сологуб.

Сорок восемь лет назад...
Сорок восемь лет
свечки жаркая слеза
льется на паркет.

Сотоварищи в земле
или вдалеке.
Словно призраки во мгле —
льдины на реке.

Тело мертвое жены —
на карасьем дне.
Только фикусы одни
в клетчатом окне.

Стеариновый рассвет.
Белый блик на лбу.
В Петербурге жить, поэт,
что лежать в гробу.

МОСКОВСКИЕ СТАНСЫ

Дырою Нового Арбата
заплата серая пришита,
и в нашем сердце ничего
не остается от былого.

Прости мне, Гоголь воробьиный,
все эти рожи на бульваре!..
Троллейбус, словно таракан,
бежит, за ниточку схватившись.

1921

Пир во время чумы. Карнавал.
Вакханалия. Новая эра...
Это бледный Пьеро целовал
белорозовый лоб Арлекина.
И сверкала во тьме гильотина —
угловатая дочь Робеспьера.

Балерина. Равель. Равелин.
«Болеро» пепелищ и руин.

В провансальском жабо Мейерхольд
тербит свои белые руки.
Золотые скрипичные звуки
в театральный опущены склеп.

А на улице — мрак и пурга.
Стылый ветер закручен в спирали.
Сумасшедшие окна горят.
Мокрый снег залепляет очки.

ДЕКОРАЦИЯ

Шуба да снег-нафталин.
Свечи. Подсвечник. Сочельник.
Город. И небо над ним —
фугою виолончельной.

Крупный, как соль, снегопад.
Даром, что сын Хаммурапи, —
а натянул на закат
розовый гуммиарабик.

(Ну и словцо! Гуманизм
глупо искать меж арабов:
книги сжигали они,
древний Египет ограбив.)

Что же касается звезд
шестиугольного снега —
это единственный мост
в ветхозаветное небо.

ОДА

Я так устал в материальном мире —
в своей душе, и шкуре, и квартире,
в своем дому, и городе, в стране
своей родной, в космическом дерьме
вселенной, на земле и на воде, —
я так устал существовать везде.

И мир ветвей мне стал невыносим:
пустое небо — синий керосин.
И вещи, как предатели, стоят
вокруг и ничего не говорят.
Но стол повернут в полуоборот, —
я знаю: он меня переживет.

Летучими мышами на стене
повисли книги. В каменном окне —
лишь каменная улица и двор,
и невысокий каменный забор.
Как молоко в стакане — белый свет.
И серый снег уже лишен примет

земного бытия. На волоске
висит в нечеловеческой тоске
моя душа меж люстрой и стеной,
ко мне уже повернута спиной.
(А впрочем — есть ли у души спина?)
И смотрит белый ужас из окна.

* * *

Погладь мне волосы, погладь
мне волосы — листва
в полубреду устала ждать
любовные слова.

Погладь мне волосы — бела
уже ночная мгла,
и, как легчайшая зола,
вселенная светла.

Я так без нежности устал
в свечении светил,
как будто всё перелистал
и ко всему остыл.

Погладь мне волосы в тоске
невечности земной,
Погладь, как бы на волоске
склонившись надо мной.

Погладь мне волосы — за то
животное тепло,
за деревянное лото,
за влажное весло...

За то хотя бы, что бела —
как смерть — речная гладь,
погладь мне волосы, погладь
мне волосы, погладь.

ДЕКАБРЬ

I

Стоит, ни слова мне не говоря,
холодное пространство декабря —
объем трехмерный, полный желтизной
оплывших фонарей и белизной
слежавшегося снега. В белизне
гарцует император на коне,
как статуэтка, хрупкий и резной.
И снегопада пестрый карнавал
прошел сквозь воздух и зазимовал:
над крошевом сиреневой реки
таинственные пляшут светляки, —
и там, над Петроградской стороной,
проколот мрак булавкой крепостной.

II

А полтора сто лет тому назад,
как и сейчас, торчал колючий сад.
Он прорастал в безвременье. Оно
как будто было в нем заключено.

И, как большой чудовищный птенец,
топорщил перья павловский дворец.
Свистели в уши медного Петра
сырые петербургские ветра,
и сквозняки роились по углам...
Со страхом просыпались по утрам.

III

Таинственная прелесть сочетанья
российских слов, тоска стихописанья
была известна юноше давно.
Но белый ужас петербургской ночи,
лишь становясь прозрачней и жесточе,
твердил теперь, что счастья не дано...
Он вышел в сумрак улицы, не зная —
куда идет. И вьюга заводная
вершила танец. Белая луна
плыла в разводах туч. И белый-белый
прозрачный зимний мир заледенелый,
как сон, переполняла тишина.
Чернели петербургские сады.
на площади блестел сугроб, как никель...
О, покрути таинственнейший николь —
сквозь микроскоп эпохи погляди:
вот — Николай и пушка, там — каре
солдат и офицеров, дым и стужа...
(Потом напишет Иванов-Разумник
о них пять слов похвальных... Боже мой!)

IV

Презренными стихами говоря,
стояла середина декабря.

V

...И сон: весь мир закрыла медь
тяжелолиственной аллеи.
И мне поручено владеть
твоєю лирою, Рылеев.
И я старательно учусь,
как бы запомнив былое,
писать пленительную чушь
о Делии, Дориде, Хлое.
И рифмовать «любовь» и «кровь»,
«кровь» и «любовь», писать о розе, —
чтоб под конец увидеть кровь
на императорском морозе, —
чтоб вставить голову в петлю
и бормотать, припоминая:
«Тебя я, Делия, люблю...
Изнемогаю, умирая...»

VI

Всё повторится вновь, как снегопад
в начале декабря. Но почему-то
общественная жизнь в начале века
всегда полнее, чем в его конце.
Быть может, это — таинство Природы,
влияние тяжелых невских вод,
загадка наводнений, или что-то,
чему мы не придумали названья
пока еще... И бледный наш герой
на виселице кончит жизнь свою,
почти благословляя Николая
и посчитав себя врагом России.

Вот и пойми дворян... А в наши дни
уже гораздо меньше эстетизма
в разнообразных госпереворотах:
солдаты в хаки, десять танков, пушка,
и хунта из пяти майоров; только
поэтов среди них обычно нет.

РОЖДЕСТВО

Памяти Ю. П. Анненкова

...от северных безумств...

Кузмин

Ветер дует в щели окон,
словно дырочку сверлит
электрическая дрель.
Вьюги детская свирель
грохнет форточкой с наскоку,
белой пылью закружит.

На дворе спираль поет
в гулкий мусоропровод
сто восьмой псалом Давида.
И веселая обида
душу темную грызет.

Снится мне, что я — о, ужас! —
погружен в немую стужу
коченеющей зимы
девятнадцатого года.
Во дворах лежат сугробы,
аки римские холмы.

Юрий Анненков выходит
из парадной, переходит
легкий Банковский мосток,
а потом — налево. Хлопья
снега пляшут в небе. Струпья
мертвых улиц городских
замела метель. Оглобли
дряхлых розвальней торчат
из-под снега... Юрий Палыч
входит в зимний Летний Сад.

Прямо, сбоку и вокруг —
черно-белые растения.
Не прикрашен светотенью
линий сломанный испуг.
И не надо больше двух
красок — черной, белой... Хватит!
Только горло перехватит
карнавальная тоска.

И зарыта навсегда
здесь «Бродячая Собака»:
ни музы́ки, ни вина.

Расщепляется эпоха
на портрете Кузмина...

Расщепляется эпоха,
разворачивает зданий
ледяные коробки...

Ходит ветер по Фонтанке.
Валит снег, фонарь горит.
Сумасшедшая графиня
по Гороховой бежит...

СОДЕРЖАНИЕ

1973

«Заклинаю вазой битой...»	7
«Закрываю книгу жизни...»	7
«Юности промелькнувшей...»	8
«Горек известковый ласточкиных гнезд...»	9

1974

«Что слезы? — соль, вода и дым...»	9
«Багровая стынет порфира...»	9
«Пчелиная смола воспоминаний...»	9
«Кустарник только...»	10
«Горький опыт накоплен, что воск оплывающих свеч...»	10
«Полуночный, фанерный...»	11
«Еще ведь потрогать могу...»	11
«Овечьих стад земная теплота...»	11
«Я проснулся от летнего гама...» (1974, 1979)	12
«Под лиловым небом, одиноко...»	12
«Красные звезды — на синем...»	13
«Поросло тишиной да еще кое-где паутиной...»	13
Жоашен дю Белле. 1556 (1974, 2000)	14
Вольтер (1974, 2000)	14
На фигурку Эрота	15
Федра	16
Державин	16
«Снова в Царском облетает...»	17
«Прошла пора заботы...»	17
«Мне не надо сейчас ни воды, ни вина...»	18
«Юности нелепой хлябь и глина...»	19
«О, Грузия — роза в вине...»	19
«Мне мерещится первый...»	19
«Начинается щелканье дней...»	20
Екатерининский канал	21
Живопись	21

Деревенские вариации

1. «Дача, свечка на столе...»	22
2. «Дача, свечка, полумрак...»	23
«Ты вызубрил несколько речек...»	24
«Ты помнишь прогулки по парку...»	24
«Не надо говорить...»	25
«Жизни, влажной и лукавой...»	25
Психея	26
Персефона	27
«Хорошо в Ленинграде...»	27
«Я становлюсь взрослее ...»	28
«О, давай под сенью сада...»	29
Книги	30
«За стеной — гулянка скоморохов...»	32
«Грустно. Электричество погасло...»	33
«Нас обманула эта земля...»	33
Два голоса	35
Блоку	35
Добрый совет	35
«Я не читаю книг...»	35
«Я ни слова правды не скажу...»	36
«Не только книги и перо...»	36
«Так прекрасна и банальна...»	37
«...И, как бывает в юности сквозной...»	37
Памяти Ходасевича	38
Ходасевич	39
«Я понял суть плодоношенья...»	40
«О, жажда цельности, типичности...»	40
«Армия прочесывает город...»	41
«Вот и лето вернулось. О, дай мне стакан...»	42
«Мандельштам когда-то говорил...»	42
Элегия	43
Трамвай	45
Стрелец	45

Коктебель

1. «Жестка и небогата колыбель...»	46
2. «Над заливом — трезубец горы...»	46
3. «Тебе дары — морские камни...»	47
4. «Когда ни губ, ни писем нет...»	47
5. «Пыльная, степная, как чабрец...»	47
6. «В черном ящике огромной ночи...»	48
7. «Холмистый полуостров сед...»	48
Новый Свет	49
«Ничего не напишешь на желтой листве...»	50
«...Полгода минуло. Я не привык к таким...»	50
«Мне подарили жизнь, как дарят хлеб...»	51
«Выхожу на улицу из гостей...»	52
Считалка	52
Осеннее равноденствие	52
«Звезды снежные кружат...»	53
Московские стансы	54
1921	54
Декорация	55
Ода	55
«Погладь мне волосы, погладь...»	56
Декабрь	57
Рождество	60